

онъ, не сдѣлалъ, если его, *такого*, не услышали, не послушали, то кто же еще сдѣлаетъ, кто можетъ пытаться дѣлать, кого услышать, послушаютъ...

И не потому бессильно слово Толстого, что оно не отъ міра сего. А потому бессильно, что слово это—человѣческое, здѣшнее слово. Все въ немъ отъ міра сего, и міръ не возненавидитъ, а обезсилитъ, обезплотитъ слово это. Дѣло спасенія у Толстого—дѣло спасенія здѣшней жизни, общей жизни безъиндивидуальнаго, имманентнаго безсмертія; эсхатологія его окрашена хотя блѣднымъ, безправнымъ, но все-же несомнѣннымъ имманентнымъ эвдемонизмомъ. И хотя въ крайнихъ точкахъ своихъ напряженныхъ усилій громадная Толстовская совѣсть, кажется, пробивается къ міру трансцендентному, однако въ рационалистическомъ рисункѣ своемъ сознательно выявляется всегда все-же въ мысли о здѣшнемъ, земномъ, какою бы протестующей, отрицающей ни была она. Послѣднее религіозно-моральное усиліе совѣсти Толстого въ томъ, *чтобы не быть самимъ собой*, не быть индивидуально ни здѣсь, ни тамъ, не быть личностью, чтобы быть съ Богомъ. Умереть здѣсь не для того, чтобы во Христѣ Иисусѣ воскреснуть, а чтобы пріобщиться вѣчной жизни въ человѣчествѣ, жизни здѣсь же на землѣ, во всеобщемъ какомъ-то всечеловѣческомъ хорошествѣ. Необъятно-громадная личность, полагающая всѣ усилія могучей воли, усилія своей гениальной самости въ томъ, чтобы не быть личностью ни въ *этой*, ни въ *той* жизни,—уйти отъ себя и своего,—какая это ужасная трагедія личнаго самосознанія: спасти себя отъ себя...

И все это дѣло спасенія у Толстого, гигантская попытка его спастись—убѣжать отъ себя, преобразить грѣшное человѣчество въ счастливое вѣчное царство человѣческой правды, преобразить *человѣческими же, личными, своими* усиліями; какъ бездѣйствена она, сколько тоски и отчаянія, смертной тоски и безысходнаго отчаянія несетъ она вѣрующимъ въ нее.

Мнѣ почему-то вспоминается рассказъ Глѣба Успенскаго „Голодная смерть“. Простой и страшный въ простотѣ своей рассказъ про бѣднаго крестьянскаго мальчика, сироту Федюшку, выкинутаго разными ужасами біографіи своей въ Петербургъ и здѣсь, среди чужихъ и холодныхъ улицъ огромнаго Петербурга, среди чужихъ и холодныхъ людей, наивно пытающагося какъ-нибудь сказать объ